

Александр Башибузук

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б33

Серия «Попаданец»
Выпуск 48

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Б33 Башибузук, Александр

С черного хода: роман / Александр Башибузук. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-110742-0

Бой, ранение, плен, концлагерь — история старшего лейтенанта госбезопасности Александра Ротмистрова ничем не отличалась от историй тысяч советских воинов, вступивших в схватку с фашистскими захватчиками. Не отличалась ровно до того времени, как он попал в лабораторию таинственной нацистской организации «Аненербе», на острове Узедом, где немецкие ученые проводили научные эксперименты с временем и пространством. А вот дальше судьба Ротмистрова пошла кувыркком. Это в буквальном смысле слова...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110742-0

© Александр Башибузук, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

21 мая 1937 года

— Товарищ профессор... Пал Палыч... Но это же совершенно недоказуемо и, следовательно, ненаучно! — Крупный белобрысый парень с правильными, но резковатыми, рублеными чертами лица решительно махнул рукой с зажатой в ней скрученной в трубку тетрадь. — Все научные теории должны быть доказаны практическим методом. Все остальное вздор!

Сухонький старичок поправил пенсне, внимательно оглядел аудиторию и остановился взглядом на паренке, продолжавшем упрямо хмуриться.

— То есть, насколько я понял, вы, Ротмистров, считаете, что теоретическим выкладкам нет места в науке? — профессор, задавая вопрос, слегка улыбнулся.

— Именно так! Никаких теорий! Теории — это буржуазные штучки. А у нас скоро коммунизм наступит! — выпалил парень и с видом превосходства посмотрел на остальных студентов, с интересом следивших за дискуссией в аудитории.

— Но если не будет теорий, тогда что же вы будете доказывать, Ротмистров?

— Ну как... — смешался парень. — Я же не это хотел сказать. Теории, конечно, должны быть, но правильные... те, которые можно доказать...

— Знаете что, Ротмистров?.. — сказал профессор неожиданно язвительным тоном. — Занимались бы вы своими потасовками или как их там...

— Борьбой... — сконфуженно буркнул парень.

— Вот-вот... Этой самой самбой. И не лезли бы в науку. Она — да и вы тоже — от этого только выиграет. Еще не поздно себе найти новое призвание.

Профессор недовольно поморщился, залез в карман широченных брюк и выудил потертые часы на массивной цепочке. Подслеповато глянул на циферблат и заявил:

— Лекция закончена. Прошу всех подготовиться к практическому занятию в среду.

— Но у меня соревнование в среду! — возмущенно воскликнул тот же парень.

— Ваши проблемы, Ротмистров! — сурово заворчал профессор и добавил, мстительно прищурившись: — Не будет вас на практическом занятии — к экзамену не допущу!

— Больно надо... — тихо буркнул парень и стал запикивать учебники в портфель. — Уйду я от вас. В пограничное училище. Далась мне эта физика. Без нее как-то проживу.

— Сашка! — К парню подлетела румяная девушка с толстенной русой косой, закрученной бубликом на затылке. Ее красную, со шнурованным воротом, тенниску распирала неожиданно большая и высокая грудь. Очень симпатичная девушка, вся такая ладненькая, крепенькая, чем-то похожая фигуркой на монументальную статую «Девушка с веслом», стоявшую в парке культуры и отдыха.

— Чего тебе, Курицына? — Парень подозрительно посмотрел на студентку.

— Ты чего так смотришь? Я тебе что, враг народа? — возмущенно воскликнула она и неожиданно застенчиво покраснела.

— Чего хотела, говорю? Алька, давай быстрее. Некогда мне, я на тренировку опаздываю... — Парень тщательно демонстрировал всем своим видом полное безразличие к девушке.

— А что, правда, говорят, что ты в военное училище собрался поступать? И вот совсем-совсем скоро уедешь?

— Возможно.

— И вот тебе не жалко будет все бросать? Друзей?.. — девушка замялась и намекнула: — Еще, может, кого?..

— А тебе-то что?

— Я вот... — смутилась Курицына, потупилась и, смешно растягивая слова, предложила: — Вот если ты захо-очешь... То мо-ожешь меня подгото-овить...

— Еще раз и внятно! Куда и кого подготовить?

— Да что тут непонятного? — фыркнула девушка. — К практическому занятию можешь меня подготовить?

— Я?! — парень от удивления округлил глаза.

Очень хорошо у Сашки получилось изобразить недоумение. Конечно, более внимательному, чем Алька, наблюдателю сразу стало бы заметно, что парень больше хочет казаться удивленным, чем есть на самом деле, но наивная Курицына так ничего и не заподозрила.

— Ну да... — Девушка несколько раз моргнула пушистыми ресничками, опустила свои голубые глазки и стала сосредоточенно что-то чертить носком своего парусинового тапочка на до блеска натертом мастикой паркете. — Я вот совсем ничего не понимаю...

— Это ты меня просишь? — очень натурально удивился Сашка. — Ты что, сбрендила, Курицына? Иди

вон Вейсмана попроси. Он во всем этом вздоре соображает не хуже профессора.

— Не хочу Вейсмана... — запротестовала Алька. — У него ладони всегда потные и из носа волосы растут. И он в раздевалке мелочь по карманам тырит. Хочу, чтобы ты. Вон как ты лихо сегодня с Палычем спорил. Значит, соображаешь. Вот и помоги мне.

— Отстань, говорю же, на тренировку опаздываю.

— Ну, как хочешь... — Алька вспыхнула и, круто развернувшись, направилась к двери. Уже в дверном проеме остановилась, обернулась и лукаво добавила: — А у меня дома никого не будет. Мама с папой в Гагры уехали, а домработницу я в деревню отпускаю...

У парня торжествующе блеснули глаза, но он справился с собой, растерянно посмотрел на сокурсницу и проямлил:

— Но я же не бум-бум...

— Ты дурак? — Алька недоуменно уставилась на Сашку. — Мне повторить? А знаешь, я тебе еще папин наградной маузер покажу. Если хорошенько попросишь, конечно...

— Ну, если пистолет... Тогда ладно... — парень нехотя кивнул головой, а когда Алька выбежала из аудитории, торжествующе стукнул себя кулаком по ладони и показал в сторону пустой кафедры дулю. — Вот так, Пал Палыч! А вы говорите я предмет не знаю. Ловкость рук и никакого мошенничества...

21 ноября 1941 года

— Ротмистров Александр Георгиевич, старший лейтенант госбезопасности. Член РКСМ с февраля 1935 года, кандидат в члены ВКП(б) с февраля 1937 года, член партии с февраля 1939 года. Точные место и время рож-

дения неизвестны, бывший беспризорник, воспитанник Саранского детского дома номер тридцать шесть имени Парижской Коммуны. В 1939 году закончил Себежское военное училище НКВД с отличием. Во время учебы проявил себя...

— Этот момент пропустите, Валентин Иванович, — попросил своего собеседника сидевший за большим, крытым зеленым сукном столом человек в форме НКВД с петлицами старшего майора госбезопасности. — Я потом сам посмотрю. Что там дальше?

— Есть, товарищ старший майор, — капитан, стоявший перед столом, четко кивнул головой и продолжил ровным, хорошо поставленным голосом: — После окончания училища был прикомандирован к отдельному разведывательному лыжному батальону 122-й стрелковой дивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги» за участие в операции...

— Знаю-знаю. Это там, где Маргелов шведских наблюдателей при финском генштабе расколотил, — опять перебил докладчика старший майор.

— Так точно, товарищ старший майор госбезопасности! Прикрывая отход основной группы, Ротмистров лично уничтожил трех финских стрелков в рукопашной схватке...

— Продолжайте... — задумчиво кивнул мужчина за столом.

— В 1940 году за успешное проведение операции «Янтарь» награжден орденом Красного Знамени и ему было присвоено внеочередное специальное звание старший лейтенант госбезопасности. Был ранен и по излечению откомандирован в распоряжение Четвертого отдела НКВД СССР. Поступил в Высшую школу НКВД СССР. После начала войны переведен в Особую группу при наркомне НКВД СССР

в качестве инструктора по специальной и боевой подготовке. Чемпион наркомата по самбо. Награжден грамотой наркома и ценным подарком за отличную стрельбу из пистолета и показательные демонстрации приемов штыкового боя. Бегло владеет шведским и немецким языками, однако в связи с возможностью идентификации у него боевого ранения для использования в иностранном отделе не пригоден....

— Спортсмен и полиглот, говорите?.. — старший майор сделал пометку карандашом на лежащем перед ним листе бумаги. — Ладно, давайте дело. И дела остальных членов группы тоже. Вы свободны, Валентин Иванович.

После того как капитан вышел, старший майор тяжело встал из-за стола, прошелся по кабинету к плотно зашторенному окну и, отодвинув занавеску, посмотрел на наливавшийся серостью рассвет. Хмыкнул и, вернувшись, открыл дверцу маленького сейфа, вмонтированного в тумбу стола. Достал бутылку коньяка «Двин» и налил немного в граненую рюмку. Отсалютовал большому портрету с изображенным на нем Иосифом Виссарионовичем Сталиным, висевшему напротив, и залпом выпил. Поморщился, затем открыл первую папку...

Старший майор быстро листал дела и изредка делал пометки. Сторонний наблюдатель ничего не смог бы понять по его лицу. Разве что отметил бы волевой подбородок, плотно сжатые губы и припухшие от усталости глаза. И еще он иногда морщился как от зубной боли, пробегая глазами некоторые места в личных делах. Лишь в одном случае старший майор от души рассмеялся: когда читал объяснительную из дела Ротмистра.

— Ну так пускай Гольдберг свою сучку на поводке держит. Законно по морде получил... — проговорив эти слова, он вдруг снова смолк, просмотрел еще несколько листов дела, нахмурился и зло сказал: — Да плевать уже на его рапорт Кабулову. Глубоко плевать. Может, если успеет, конечно, самому пожаловаться. Вот только не успеет. Этот парень уже недоступен ни для кого.

Спустя час он снял трубку телефона и распорядился принести себе чаю. Встал и подошел к зеркалу. Помолчал и буркнул своему отражению:

— Да, жалко. Но так надо. И нечего на меня смотреть, как на Гитлера. Всех мне жалко. И себя в первую очередь.

После чего вернулся за стол и решительно поставил свою резолюцию в уголке какого-то документа.

1 января 1942 года

— Господин генерал, прибыл полковник Розен.

— Приси.

В кабинет четким шагом вошел высокий мужчина в белом, измазанном грязью и местами порванном маскхалате. Не доходя до стола пару метров, он щелкнул каблуками и вскинул руку в нацистском приветствии.

— Господин генерал...

— Оставьте, Курт. Ну же... я жду! — Седой мужчина в генеральской форме нетерпеливо махнул рукой.

— Все подтвердилось. В произошедшем боестолкновении разведгруппа ликвидирована. Шесть человек убито, один из диверсантов взят в плен. Предположительно командир группы. Он ранен и сильно контужен.

— Наши потери?
У полковника от злости скривилось лицо:
— Весь взвод гауптмана Фюле, в том числе и он сам,
погиб...

21 мая 1943 года

— Фрау гауптштурмфюрерин — это весь материал, который может удовлетворить вашим требованиям.

Невысокий, толстый штурмбанфюрер СС стоял навтыжку перед молодой, несмотря на довольно высокое звание, женщиной, тоже одетой в эсэсовский мундир. Только у нее на рукаве, в отличие от мужчины, находился другой шеврон. Вместо «Мертвой головы» там расположился серебряный овал, в котором лезвие меча обвивала лента, а по краям шла надпись латинскими, стилизованными под руны буквами. «Deutsche Ahnengabe». Значок с точно такими же символами висел на груди.

Возможно, именно эта эмблема и заставляла штурмбанфюрера стоять навтыжку перед женщиной младше его по званию и каждую минуту протирать носовым платком обширную лысину, покрывающуюся от волнения испариной. Еще одной причиной волнения могла быть телеграмма от самого рейхсфюрера СС Гимmlера, в которой предписывалось оказывать любое содействие гауптштурмфюрерин СС Герде Гедин. Тоже весьма немаловажный сигнал для того, чтобы постараться исполнить все требования необычного визитера. И вообще, женщина в эсэсовской форме была явным нарушением политики руководства СС в отношении... да что там говорить, даже всего Рейха. Она являлась единственным действующим женщиной-офицером СС такого ранга, что по большому счету было нонсенсом. Почему? Да

потому что в Рейхе считалось, что служить в армии удел только мужчин, а женщинам всегда отводились второстепенные чины во вспомогательных частях. В лучшем случае.

Остальные находившиеся в кабинете эсэсовцы тоже стояли в струнку, но особого волнения не проявляли. Они больше пожирали глазами точеную фигурку гостьи и ее очень красивое, хотя и неимоверно холодное и надменное лицо. Женщина действительно была очень красива, именно красива, а не привлекательна. Для идеологов нацизма она показалась бы идеалом женского представителя арийской расы. Русые волосы, заплетенные в толстую косу. Большие глаза, напоминавшие оттенком морской лед, и нереально идеальные черты лица. Форма, явно пошитая на заказ, ловко облегла крепкую, но очень стройную, спортивную фигуру...

— Вы называете это материалом? — угрожающе протянула женщина и сделала пару шажков по кабинету, звякнув подкованными каблучками сапог.

— Фрау гауптштурмфюрерин, но у меня же не санаторий, — попробовал возразить комендант лагеря. — Я и так отобрал для вас самые лучшие образцы.

Комендант концентрационного лагеря «Дора-Миттельбау» столкнулся с нешуточными трудностями, исполняя заказ гостьи. Ну право дело, откуда в концентрационном лагере возьмутся здоровые и не истощенные узники?

— Мне нужен не истощенный, здоровый материал мужского пола, в хорошей физической форме и разной расовой принадлежности. А это что? Толпа доходяг. Сколько придется потратить ресурсов для приведения их в более-менее пригодную форму? Особенно

когда эти ресурсы нужны для наших солдат, сражающихся на фронте с ордами восточных варваров. — Женщина, не обращая внимания на собеседника, брезгливо ткнула рукой в неровный строй заключенных, одетых в полосатые робы и выстроенных перед домиком начальника лагеря «Дора».

Заключенные действительно представляли собой удручающее зрелище. Сломленные, понуро сторбленные, с потухшими глазами, в которых не прослеживалось ни капельки жизни. Единственным определением для их описания может служить выражение «живые мертвецы». Как раз их они больше всего и напоминали. Впрочем, один из заключенных, несмотря на болезненную худобу, выглядел лучше остальных; возможно, за счет строевой осанки и, как ни парадоксально, веселых глаз.

— Поверьте, это самый лучший материал! — опять залезбил начальник лагеря. — Они из последнего этапа и еще не успели...

— Ладно, выхода пока у меня все равно другого нет... — немного смягчилась лицом женщина, вызвав произвольный вздох облегчения у начальника лагеря. — Обеспечьте погрузку на баржу. У нас охрана своя, но сопровождение до причала возьмите на себя и не забудьте приказать передать личные дела оберштурмфюреру Крюгеру. Я отмечу рейхсфюреру, что вы со своим заданием справились...

— Чертовы яйцеголовые... — тихо пробормотал штурмбанфюрер, когда гостя вышла из кабинета и уселась за руль белого, роскошного не по чину кабриолета «хорьх» 853А, да еще тюнингованного в престижном ателье «Эрдманн унд Росси». — Чтобы вас, вместе с вашим островом, в вашу долбаную Вальхаллу унесло...

ГЛАВА 1

— Рудик, мать твою, ты хоть представляешь, где мы находимся? И какого хрена нас так кормят? — Я посмотрел на жестяную тарелку, полную комковатого картофельного пюре, политого растопленным маргарином, и непроизвольно застонал от голодных спазмов, скрутивших желудок. — Млять!.. — выдохнул воздух, еле справившись с болью. — Етить Гитлерюгу в печёнку. Пряма на убой!

Чудеса, да и только... Со вчерашнего дня, то есть со дня прибытия, работать не заставляют, не бьют, кормят три раза в день, причем с каждым разом все лучше, вернее порции больше, и даже в баню сводили.

С горячей водой и эрзац-мылом! Робу новую выдали — не полосатую, а обычную черную спецовку. Не новую, но чистую. Тюфяки в камере приличные... И медосмотр, прямо как в летчики набирали, провели. Сука... витаминки два раза в день дают. В натуре витамины, я аскорбинку ни с чем не перепутаю. Сука, нутром чую, ничем хорошим это не закончится. Зараза... лучше бы остались в «Доре» — штреки в скалах рубить. Там хоть сдохнешь нормальной смертью, без особых извращений...

— Тише, Сашка... — прошипел мой сокамерник и опасливо глянул на дверь камеры. — Услышат же... Опять бить будут...

М-да... а Рудик уже давно сломался. С тех самых пор, как на него натравили трех здоровенных овчарок в Заксенхаузене. Еле выжил парень... Да и немудрено. Да и я сломался — но только в другую сторону. С тех самых пор, как сам попал в плен. Хотя по большому счету меня можно назвать везунчиком... Или наоборот?